

УДК 882

ББК Ш 5(2=Р)7-09

DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-6-11

*Надежда Борисовна Анциферова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: lera_anz@mail.ru*

Вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление: маркёры идиостиля (на материале мемуарного рассказа «На сибирских дорогах» Б. Ахмадулиной)

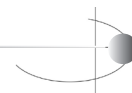
В представленной статье рассматриваются вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление как композиционные приёмы построения мемуарного рассказа Беллы Ахмадулиной «На сибирских дорогах». Для вычленения способов создания языкового пространства текста используется контекстологический анализ; при распределении языковых единиц по ярусам с последующим перераспределением в состав изобразительно-выразительных средств применяется челночный метод. Актуальность данной работы заключается в том, что выявление, описание и систематизация составляющих творческого метода автора позволяют определить маркёры идиостиля в целом. Анализ и интерпретация наиболее показательных контекстов рассказа позволяют сделать вывод: в основе идиостиля Беллы Ахмадулиной лежит вертикальная метафоризация, окказиональность словоупотребления и антонимичность парадигмы семантического наполнения. Выделенные маркёры идиостиля выступают одновременно и как композиционные приёмы, и как текстообразующие категории. Исследуется также языковая структура образа рассказчика, архаическое мироощущение которого определяет характер языкового пространства текста.

Ключевые слова: вертикальная метафоризация, идиостиль, окказиональный словесный ряд, синестетическая метафора, языковая картина мира, языковое пространство текста

*Nadezhda B. Antsiferova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: lera_anz@mail.ru*

Vertical Metaphorization and Occasional Word Usage: Markers of Individual Style (the Case of the Memoir Story “On the Siberian Roads” by B. Akhmadulina)

In the article submitted, vertical metaphorization and occasional word usage as composition methods of creation of Bella Akhmadulina’s memoir story “On the Siberian roads” are considered. To single out and systematize the ways and receptions of creation of the text language space, the context analysis is used; the shuttle method is applied at distribution of the language units on circles with the subsequent redistribution in structure of graphic means of expression. Relevance of this work is that identification, description and systematization of components of the author’s creative

method allow us to define markers of individual style as a whole. Analysis and interpretation of the most indicative contexts allow us to draw a conclusion: vertical metaphorization, occasional word usage and antonymous paradigm of semantic filling underlie Bella Akhmadulina's individual style. The allocated markers of individual style at the same time act both as composition methods and as the categories forming the text. The language structure of the story-teller's image whose archaic attitude defines the character of the text language space is studied.

Keywords: vertical metaphorization, individual style, metaphorical periphrasis, occasional word group, language picture of the world, language space of the text

Мемуарные рассказы Беллы Ахмадулиной представляют филологический интерес не только и не столько в качестве сделанной поэтессой в контексте эпохи социально-культурной и автобиографической «сценарии», сколько с точки зрения языковой организации картины текста. Уникальная по плотности, насыщенности и колоритности художественных образов мемуарная проза исследуемого автора основывается на порождении множества семантических лимбов, которые создаются определёнными композиционными приёмами. Обусловлено это, на наш взгляд, тем, что «<...> личный опыт не есть фиксированная совокупность событий, их участников, мест и дат; все они существуют в сознании не как «гербарий» из «памятных листов», а как *puzzle*, в котором каждый элемент сам по себе не имеет значения – и лишь сложенные вместе «случайные» фрагменты образуют связную и понятную картину» [7, с. 15].

Обратимся к рассказу «На сибирских дорогах», где внутритекстовое пространство подчинено архаически-пантеистическому мироощущению: разделение всего сущего (в природе и в человеческой цивилизации) на Свет и Тьму, преклонение перед четырьмя стихиями, одухотворение окружающей реальности. Создание такой языковой картины текста предполагает «тотальную» метафоризацию через использование олицетворения, грамматических сдвигов, окказионального словесного ряда и когнитивно-синестетической игры с семантикой слов. Обратимся к показательным контекстам.

«**Диковатая, неукрощённая луна тяжело явилась из-за выпуклой черноты гор, прояснились из опасной тьмы сильные фигуры деревьев** <...>» [11, с. 344]. Эпитеты «диковатая» и «неукрощённая», ассоциирующие луну с неприрученным, неподвластным людям зверем, усиливаются семантически окказиональным определением «опасная» (по аналогии с опасной ситуацией). Одушевляются деревья: становятся своеобразными стражами природы (см.: «сильные фигуры»). Всё рождает в сознании читателя чувства,

близкие к тем, которые испытывали первобытные люди у догорающего в ночи костра.

Не менее подавляющий и мрачный образ «отсутствия света» возникает не только за пределами человеческой цивилизации, но и в ней.

1. «**В безнадежной темноте пустого райкома мы вдруг так смешны и жалки показались друг другу, что чуть не обнялись на сиротском подоконнике** <...>» [11, с. 372]. Безоговорочная «власть темноты» как одной из первооснов бытия (мир родился из хаоса) передаётся метафорическим определением «безнадежная», кратким прилагательным «жалки» и окказиональным эпитетом «сиротский» (при неодушевлённом (!) существительном «подоконник»).

2. «**Среди этой маленькой, непрочной тишины, отгороженной скудными стенами от грохота и неуютности наступающей ночи** <...>» [11, с. 341]. Этот пример – яркая иллюстрация зыбкости человеческого быта: тишина, которую люди пытаются отвоевать у мира природных звуков, здесь не просто опредмечивается (размер – «маленькая»), а становится лишь рукотворным материалом («непрочная») в иллюзорно обустроенном человеком пространстве, где только «скудные» (определение не характерно для конкретных существительных) стены отделяют от поглощающего «неуютности» (неузуальное словообразование от прилагательного «неуютный»).

3. «<...> она долго ещё, совсем ослабев, заливалась смехом в длинной темноте коридора, и лужи всхлипывали под ней» [11, с. 339]. Как и в предыдущих примерах, «темнота» здесь обретает пространственные характеристики: она заполнила собой («длинная») коридор. Отметим также, что в олицетворении «лужи всхлипывали» угадывается характерная для языковой картины рассказа «детскость» восприятия мира (в предстании ребёнка от обиды или боли именно «всхлипывают», открыто и полно выражая чувства).

4. «**Ваня нырнул, как в омут, в темноту** <...>» [11, с. 343].

Гнетущая человека космогоническая Темнота, конечно же, существует в борьбе со

Светом, образ которого создаётся ещё большей концентрацией вертикальной метафоризации и окказионального словоупотребления. Если Темнота представляется каким-то вязким, обволакивающим (= болото), подавляющим жизненную силу относительно статичным состоянием (*безнадёжная темнота, опасная тьма, сплошная чернота, выпуклая чернота, уют ночи, бессолнечно*), то Свет эксплицируется антропо- и зооморфно, динамично. Обратимся к тексту.

1. *«Яркий блеск неба шлёпнул нас по щекам»* [11, с. 332]. Разговорное «шлёпнул» придаёт ситуации некое озорство и создаёт ощущение, что перед читателем разыгравшийся ребёнок.

2. *«Вдруг впереди слабо, как будто пискнув, прорезался маленький свет. На отчаянной скорости влетели мы в Улус и остановились, словно поймав его за хвост после утомительной погони»* [11, с. 345]. И вновь возникает чувство, что мы наблюдаем увлечённую игру («на отчаянной скорости») ребёнка и маленького юркого («пискнув», «прорезался») животного («поймав его за хвост»).

3. *«Подоспелише от тяжёлого степного солнца, нетрезво звенящего в голове, мы снова попали в хвойное поднебесье леса»* [11, с. 362]. Если от темноты рассказчица интуитивно пытается укрыться, сжавшись или сбежав, то свет беспрепятственно проникает в её существо («нетрезво звенящее в голове»), тем самым погружая в языческое пространство («хвойное поднебесье леса»).

Особое место в языковой картине рассказа занимают контексты, в которых представлено соотношение «свет – темнота».

1. *«Вдали, в сплошной черноте, вздрогивал маленький оранжевый огонь»* [11, с. 365]. Возникающая в сознании читателя зарисовка, несмотря на нехарактерное для Б. Ахмадулиной узуальное использование колоратива «оранжевый», ассоциативно сближается с языческим представлением о зарождении жизни.

2. *«Я пристально, нежно, точно колдуя ей доброе, смотрела на слабый, не окрепший ещё полумесяц её лба, неясно светлевший в полутьме комнаты»* [11, с. 342]. Семантическая концентрация «пограничности», игры «между» плотно заполняют предложение – «полумесяц лба», «полутьма», «не окрепший ещё», «неясно светлевший».

3. *«<...> город призрачно являлся нам из темноты, по-южному белея невысокими домами, взрѣвывая близкими паровоза-*

ми» [11, с. 332]. Мы видим, что перенесённое с лона природы в пространство цивилизации соотношение света и темноты эксплицируется по-иному: темнота становится менее «концентрированной» (не имеет при себе определения), свет обретает конкретную цветовую характеристику – белый («белея невысокими домами»).

Отметим, что определение «белый» достаточно частотно в языковом пространстве текста. Думается, это связано с тем, что, во-первых, противопоставление «белый – чёрный» гипонимично и абсолютно антонимично, во-вторых, белый включает в себя всю цветовую палитру, он – некий спектральный абсолют. В рассказе находим: *белые платочки, белея невысокими домами, белым-бело, белее платка, ослеплённые белизной, небо белело, ступая белыми ногами, белая мгла тумана*.

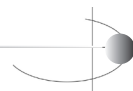
Сказочно-языческому мироощущению подчинён не только пространственный, но и временной континуум рассказа. Здесь представлено циклическое время. У Ю. С. Степанова читаем: «Концепт “циклического времени” не знает понятий “начало мира”, “конец мира”, – всё в мире повторяется по кругу» [12, с. 117].

«И вдруг слёзы, отделившись от моих глаз, упали мне на руки. Я радостно засмеялась этим слезам и всё же плакала, просто так, ни по чему, по всему на свете сразу: по Анне, по лучнику, по Ивану Матвеевичу и Ване, по бурундуку, живущему на горе, по небу над головой, по этому лету, которое уже подходило к концу» [11, с. 372]. Композиционный отрезок наполнен маркерами детского мироощущения, близкого по своему характеру к языческому: смех сквозь слёзы («радостно засмеялась этим слезам»), слёзы без видимой причины («просто так, ни по чему») как некий доступный «вдруг», только для чистого детского сознания, в котором всё расположено «вперемешку» (Аня, бурундук, небо, лето), катарсис.

В языковом пространстве текста, наполненном языческим мироощущением, предметы одушевлены. Исключительно как о живом, причём в зооморфном ключе, говорит рассказчица о «газике», на котором она и Шура перемещаются по сибирским дорогам.

1. *«<...> радостно вскрикивали вокруг нас и бежали к «газикам», пофыркивающим у обкомовского подъезда»* [11, с. 337].

2. *«<...> когда в тяжело дышавшем, подпрыгивающем «газике» наши головы сшиблись на повороте»* [11, с. 342].

3. «Газик <...> **резво запрыгал и заковылял** через ухабы и рельсы, развернулся возле забора, и мы остановились» [11, с. 342].

4. «Наш газик, словно переняв повадку скакуна, фыркнул, **взбрыкнул и помчался, слушаясь** руки Ивана Матвеевича, вперёд и направо мимо огромной **желтизны ржаного поля**» [11, с. 354].

5. «Машина заскользила по красной глине, **оступаясь всеми колёсами**» [11, с. 357].

В сознании рассказчицы «газик» синонимичен лошади – пофыркивающий, тяжело дышащий, он прыгает, ковыляет, взбрыкивает, мчит и оступается. Думается, подобное метафорическое олицетворение – ещё один «ментальный крючок»: в языческом пространстве путники могут передвигаться только на коне.

Олицетворение самолётов антропоморфно:

1. «На маленьком аэродроме **маленькие легкомысленные самолёты** взлетали и опускались, а очередь, почти сплошь одетая в белые платочки, всё не убавлялась» [11, с. 337]. Оценочный эпитет «легкомысленные» в сочетании с глаголами повторяющего действия создаёт образ вздорной девушки (по аналогии с «легкомысленной девушкой», «легкомысленным поведением»). Научно-технический прогресс позволил человеку быть смелее и небрежнее с природными стихиями, что вызывает отрицательную оценку рассказчицы.

Особое место в повествовательной ткани рассказа занимают портретные характеристики, которые не менее интерсенсорны и метафоричны, чем описание окружающего мира. Отметим, что городские жители в миропорядке рассказчицы блеклы, словно выпотрошены цивилизацией, они существуют в семантическом лимбе «темнота». Обратимся к примерам.

1. «<...> я подняла голову, чтобы **поймать его рассеянное, неопределённо плывущее в вышине лицо** <...>». [11, с. 337]. Из описания «выбрасывается» часть семантической конструкции (рассеянное выражение лица → рассеянное лицо) и включается метафорическое распространённое определение (неопределённо плывущие облака → нечёткость контуров, размытость, невозможность зафиксировать → безэмоциональное, усталое выражение лица).

2. «<...> обнаружилось несколько человек, **наряженных в бледную пёстрость бантиков, косынок и беретов**. В ярком и

неожиданном свете дня они стыдливо и немело томилась, **как выплеснутые на сушу водяные**» [11, с. 358]. Оксюморон «бледная пёстрость», усиленный окказиональным «стыдливо томилась» в сочетании со «сказочным» сравнением («как выплеснутые на сушу водяные») создаёт почти осязаемое ощущение серости, дискомфорта ситуации.

3. «**Озябшее тело держалось как-то прямоугольно**, онемевшие ноги то и дело смешно подламывались. **Было ещё бессолнечно**, но совсем светло» [11, с. 367].

4. «<...> **скучно отозвалась буфетчица, и её ленивые руки поплыли за выпуклым стеклом витрины, как рыбы в мутном аквариуме**» [11, с. 341].

5. «**Вышла тусклая, словно серым дождём прибитая, женщина**. Она в страхе подняла на нас глаза, и сквозь **скупной, нецветной туман** её облика **забрестило вдруг яркое синее солнышко детского взгляда**» [11, с. 359].

В портретах степных жителей вертикальная метафоризация и окказиональное словообразование перемещаются в иную семантическую плоскость. Перед читателями предстают «дети природы» – суровые, величавые, существующие в одном ритме с окружающим первоначальным миром.

1. «**Прямо перед нами на высоком табурете сидела каменно-большая <...> женщина с тёмно-медными, далеко идущими скулами, с тяжко выложенными на живот руками, уставшими от власти и труда**». «<...> **пасть к подножию её грозного тела и просить прощения неведомо в чём**» [11, с. 345]. Читатель ощущает себя словно перед вековыми горами: «каменно-большая женщина» (характерное для языковой картины текста соединение качественного и относительного прилагательных) → каменная глыба; «с далеко идущими скулами» → далеко идущими скалами; «тяжко выложенными на живот руками» → выложенный камнями, валунами; «подножие её грозного тела» → подножие спящего вулкана.

2. «**Женщина уже царствовала на табурете, ещё ярче краснея и желтея платьем в честь воскресного дня**. Мы поклонились ей, и снова её **продолговатый всевидящий глаз объёмно охватил нас в лицо и со спины, с нашим прошлым и будущим**» [11, с. 353].

3. «<...> обрадовалась Аня и ласково прильнула ко мне, снова **пахнув на меня травой, как жеребёнок**» [11, с. 351]. Срав-

нение «как жеребёнок» усиливает словосочетание «ласково прильнула», подчёркивая открытость, искренность и чувствительность девушки-аборигенки.

4. «*Аня прощально припала ко мне всем телом, и её быстрая кровь толкала меня, напирала на мою кожу, словно просилась проникнуть внутрь и навсегда оставить во мне свой горьковатый, тревожный вкус*» [11, с. 352]. Метафорическое олицетворение здесь можно считать своеобразным семантическим развёртыванием общеизвестных «молодая кровь», «горячая кровь». Впечатление усиливается семантически окказиональным использованием синестетического эпитета «тревожный»: тревожный звук (слуховое восприятие) → тревожный вкус (вкусовые ощущения).

Отметим, что для языковой картины рассказа характерно окказиональное словоупотребление наречий (об этом виде композиционно-грамматического сдвига см.: [1; 2; 3]). Композиционно-грамматические окказионализмы в сравнении со словообразовательными обладают большей семантической ёмкостью, а потому их художественно-эстетическая нагрузка возрастает, уплотняя тем самым языковое пространство текста.

1. «*Горы, украшенные голубыми деревьями, близко подступали к глазам, и было бы душно смотреть на них, если в спину чисто и влажно не сквозило степью*» [11, с. 352]. В приведённом примере обстоятельства синестетичны: душно дышать → душно смотреть = слишком сочные краски пейзажа; чисто и влажно на ощупь → чисто и влажно сквозило = свежесть ветра.

2. «*Жёлтое и голубое густо росло из глубокой земли и свадебно клонилось друг к другу*» [11, с. 353]. Сочетание субстантивированных прилагательных-копоративов «жёлтое» и «голубое» с окказиональным наречием, образованным от относительного прилагательного «свадебный», становится семантической «матрёшкой».

3. «*И вдруг в дурном предчувствии, махнув рукой, словно отрекаясь от нас, бросился вон, скандально хлопнув дверью*» [11, с. 341].

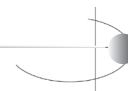
4. «*Наконец, она домыла своё, страстно выжала тряпку и пошла мимо нас, радостно ступая по мокрому полу чистыми белыми ногами, и уже оттуда, с улицы, из зияющего простора своей субботы, крикнула нам*» [11, с. 339]. Обстоятельство «страстно», имеющее наряду со «ступая» и «зияющее» книжный оттенок, в сочетании

с бытовыми деталями (мокрый пол, домыла своё, с улицы) и разговорным «тряпка», показывает, какое место занимает культура труда в жизни деревенского, близкого к природе человека.

Входя в языковую картину текста, читатель, несмотря на наличие «сухих» бытовых деталей, постепенно погружается в хронотоп сказки и синхронизируется (даже соглашается) с интерсенсорным и когнитивным опытом рассказчицы. Процесс познания идёт в обратном, противоречащем филогенезу направлении – от результатов рационального освоения мира к наглядно-чувственному постижению, подкреплённому интуицией. О подобном пишет В. И. Карасик в своей монографии «Языковые ключи»: «Определяя концепты с позиции их транслируемости, можно предположить, что архетипические концепты (при всём их многообразии) будут характеризоваться, по-видимому, как активно транслируемые, закрытые для модификации, <...> не допускающие критического восприятия» [6, с. 133]. Обратимся к тексту.

«*Я тихонько встала и пошла в деревья, в белую мглу тумана, поднявшегоса от реки. Близкий огонь костра, густо осыпающиеся августовские звёзды, теплый, родной вздох земли, омывающий ноги, – это было добрым и детским знаком, твёрдо обещающим, что всё будет хорошо и прекрасно*» [11, с. 372]. Здесь передана гармония всех четырёх стихий мироздания – воды (река), земли, огня и воздуха (поднимающийся туман, «тёплый вздох земли»).

Вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление имплицитно отражают в языковой картине мемуарного рассказа образ автора, который умело «жонглирует» основными методами познания мира – анализом, моделированием и аналогией. Воспринимаемые рассказчицей реалии природного и человеческого мира раскладываются на весомые для контекста ситуации детали, совпадающие или перекликающиеся с признаками других реалий, хранящихся в кинестетическо-когнитивном опыте. Происходит «перекомпоновка» и уплотнение семантического наполнения, что рождает колоритную образность. Ю. М. Лотман писал: «Пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл, связаны с индивидуальным сознанием» [8, с. 26]. Думается, правомерно заключить, что вертикальная метафоризация и окказиональное употребление – это маркёры идиостиля Беллы Ахмадулиной.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д., Лю Гопин, Чжоу Чжунчэн. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве современной русской прозы. Казань: Бук, 2015. 192 с.
3. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
4. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 384.
5. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справ. 7-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2009. 296 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. Кучина Т. Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: первоначальные повествовательные формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. 43 с.
8. Лотман Ю. М. Семисфера. Санкт-Петербург: Искусство. СПб., 2000. 704 с.
9. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.
10. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Яз. славянской культуры, 2002. 496 с.

Источники

11. Ахмадулина Б. А. Друзей моих прекрасные черты. М.: Астрель: Олимп, 2009. 507, [5] с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь рус. культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2004. 992 с.

References

1. Akhmetova G. D. Zhivoi literaturnyi tekst. M.: Vash poligraficheskii partner, 2012. 232 s.
2. Akhmetova G. D., Lyu Gopin, Chzhou Chzhunchen. Yazykovye traditsii i yazykovye protsessy v dukhovnom prostranstve sovremennoi russkoi prozy. Kazan': Buk, 2015. 192 s.
3. Akhmetova G. D. Yazykovoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoi russkoi prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
4. Zubova L. V. Yazyki sovremennoi poezii. M.: Novoe lit. obozrenie, 2010. 384.
5. Kapitsa F. S. Slavyanskie traditsionnye verovaniya, prazdniki i ritualy: sprav. 7-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2009. 296 s.
6. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. M.: Gnozis, 2009. 406 s.
7. Kuchina T. G. Poetika russkoi prozy kontsa KhKh – nachala KhKhI v.: pervolichnye povestvovatel'nye formy: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. Yaroslavl': YaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2008. 43 s.
8. Lotman Yu. M. Semisfera. Sankt-Peterburg: Iskusstvo. SPb., 2000. 704 s.
9. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'. M.: Flinta: Nauka, 2006. 320 s.
10. Shmelev A. D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'. M.: Yaz. slavyanskoi kul'tury, 2002. 496 s.

Istochniki

11. Akhmadulina B. A. Druzei moikh prekrasnye cherty. M.: Astrel': Olimp, 2009. 507, [5] s.
12. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' rus. kul'tury. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Akadem. Proekt, 2004. 992 s.

Библиографическое описание статьи

Анциферова Н. Б. Вертикальная метафоризация и окказиональное словоупотребление: маркёры идиостиля (на материале мемуарного рассказа «На сибирских дорогах» Б. Ахмадулиной) // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11, № 3. С. 6–11. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-6-11.

Reference to article

Antsiferova N. B. Vertical Metaphorization and Occasional Word Usage: Markers of Individual Style (the Case of the Memoir Story "On the Siberian Roads" by B. Akhmadullina) // Humanitarian Vector. Series Philology, Oriental Studies. 2016. Vol. 11, No 3. P. 6–11. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-6-11.

Статья поступила в редакцию 23.02.2016